

Автор Сергей КРИВОНОС

ПРИФРОНТОВАЯ УЛИЦА

Живет на свете улица. Она
На улицы соседние похожа:
Куда ни глянешь – не видать прохожих,
Где тишина была – теперь война.

И я по этой улице иду,
Вдали зарю холодный ветер сдул,
А рядом – одичалый луг пастуший.
И под разрывов отдаленный гром
Поблеклое гусиное перо,
Как весточка из дней минувших, кружит.

Такая вышла с улицей беда –
Покинули ее давно сельчане,
Но по привычке зябкими ночами
Согреться опускается звезда.

Лежат букварь, утюг, велосипед...
Чтоб как-нибудь напомнить о себе,
За поворотом скрипнули ворота...
Живет на свете улица. Она,
Как брошенная в старости жена:
И жизнь - хоть удавись, и жить охота.

МАТЕРЯМ ДОНБАССА

В любой войне, в сражении любом,
В молчании суровом обелисков
Есть острая, особенная боль,
Которая зовется материнской.

Конечно, нелегко писать про боль,
Но видно так предрешено судьбою,
Что даже материнская любовь
Нередко вся и состоит из боли.

И, проходя среди невзгод и драм,
Среди надежд, оборванных, как нитки,
Не добавляйте боли матерям,
У них ее достаточно, с избытком.

А мой отец лишь для добра и жил,
Ни славы не имея, ни достатка,
Ни той напористо-когтистой хватки,
Что есть у современных воротил.

А вот сейчас не выйти за порог:
Как будто все невзгоды возвратились,
И боли долгих фронтовых дорог
В натруженных ногах соединились.

«Жить для Добра, наверное, старо, —
Согревшись у печи, отец вздыхает, —
Сейчас Добро, как будто мяч, пинают,
Неужто изжило себя Добро?»

Дожить бы до еще одной весны,
Но почему-то по ночам нередко
Смоленский лес, расталкивая сны,
Стучит в окно простреленную веткой».

Григорий жизнь невесело прожил.
Война. Послевоенная разруха.
«Прожил, а ничего не накопил», —
Ворчала иногда жена-старуха.

Он понимал, что время — умирать,
Но все дела, дела не позволяли.
И сыновей хотел уже позвать,
Да где там — забрались в глухие дали.

Но стало все-таки невмоготу,
За горло взяли старые болячки,
И жизнь упрямо подвела черту,
Последний день Григорию назначив.

Вот так — когда Григорий тихо спал
И слышал, как негромко сердце бьется,
Какой-то странный голос прошептал,
Что все... что день последний остается.

Дед встал. Печально скрипнула кровать.
Взглянул в окно — земли сухие груды.
Подумал вдруг: «Кто ж для меня копать
Такую твердь суглинистую будет?»

Как ни крути, а некому. Ну, что ж, —
Прокашлялся. Погрел у печки спину. —
Возможно, завтра разразится дождь,
Промочит грунт, тогда и опочину».

Порой казалось, нету больше сил,
Ни капельки уже их не осталось,
А он, крестьясь, у Господа просил,
Чтоб тучи поскорее собирались.

«Куда моей старухе яму рыть –
Ей жизнь давным-давно пора итожить.
А если б дождь прошел, то, может быть,
Управился б сосед – он чуть моложе».

И дед терпел, хоть было все трудней.
В груди давило. Губы сжал до боли.
Как будто был не в мазанке своей,
А там, под Оршею, на поле боя.

Хотелось показаться, уходя,
Таким, как был, – и крепким, и удалым...
Он умер через день, после дождя,
Когда земля сырой и мягкой стала.

Васильковое поле. Тропинка. И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомленной работой руке.
Отчего ж ты, храбрец-муравей, так беспечно рискуешь,
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую потерю простую,
Нам ли, людям большим, небольших муравьев замечать?

Вот укусишь, и сразу окончится век твой недолгий.
Страшный зверь – человек, но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперед вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьем.

Люди тоже чуть-чуть муравьи на огромной планете –
Мы вгрызаемся в мир, в суете бесконечной живем.
Посреди васильков, посреди скоротечного лета
Понимаешь, что жизнь – изначальное счастье твое.

Вот пополз и второй муравей, презирая опасность,
По уставшей руке. И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьев есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе посредине занудного быта,
Каждый сам по себе, оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьев единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити – веками искать.

Поле. Небо. Заря. Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор. Снова щелкнул вдали соловей.
И ползет муравей по своей муравьиной державе,
И не знает, что он – лишь частичка державы моей.

КОЧАН

Здесь и радость, и грусть, здесь повсюду звучат голоса.
Здесь буфет-ресторан. Рядом – парк и аллеи просторные.
Это маленький город с названием привычным «вокзал»
Во главе с чуть подвыпившим, вечно мешающим дворником.

Почему, неизвестно, его называют Кочан.
Проживает один. Во дворе – только Шарик хромающий.
Выпивает Кочан втихаря, а потом по ночам
Матерится во сне и кричит в тишину угрожающе.

Он собаку когда-то отбил у разгульных юнцов,
Что ее на костре, на шашлычном, едва не зажарили.
Пусть по полной досталось ему от юнцов-подлецов,
Но теперь поиграть во дворе можно с преданным Шариком.

Подбирает объедки Кочан, подметая вокзал,
Ежедневно – похмелье и рожа с небритыми скулами.
Чтоб у Шарика жизнь человечней была, так сказать,
Сам он жизнью собачьей живет, но об этом не думает.

Пусть считают отшельником, пусть осуждает народ,
Твердо верит Кочан, что простятся ему все чудачества.
После смерти к могиле спасенный им Шарик придет,
И ему не завоет, не заскулится – заплачется.

Опять сегодня небо всем проходим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось – что-то Бог сказал...
А нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Замечаю в безбрежности дней,
Сколько грешного в них и безгрешного,
Ну, а главное – сколько есть нежного
На обычной ладони твоей.

И, даруя тепло нам опять,
Журавли над полями ковыльными
Тень ночную раздвинули крыльями,
Чтобы солнце на небо поднять.

Уезжай. На прошлое не сетуй.
Ни к чему унылые слова.
Уезжай. Как отпылало лето,
Так сгорит осенняя листва.

Ты чертовски молода и, чтобы
Шла сквозь дни любимой и любя,
В мир весны пускай везет автобус
Из пришедшей осени тебя.

Что сейчас мои стихотворенья –
Россыпь, в общем, невеселых строк –
Я всего лишь осени мгновенье,
Я всего лишь сентября листок.

Видно, где-то есть, тобой обласкан,
Тот, кому уткнешься ты в плечо,
Может, в Счастье, может быть, в Луганске,
Ну, а может где-нибудь еще.

Я ведь ничего не обещаю,
Вот уедешь, и запрячусь в тишь.
Уезжай, я все тебе прощаю,
Зная, что и ты мне все простишь.

Уезжай туда, где есть ответы
На вопросы жизни непростой,
Где тебя с улыбкой доброй встретит
Кто-то по-апрельски молодой.

Но душа моя среди всех странствий
Вновь тебя обнимет горячо,
Может, в Счастье*, может быть, в Луганске,
Ну, а может где-нибудь еще.

* - Счастье – город возле Луганска.